

за это Тургеневъ тотчасъ же и торжественно произведенъ «Московскимъ Сборникомъ» изъ бездарностей въ талантъ, а рассказъ его названъ — шутка ли! — превосходнымъ. Да неужели же талантъ писателя прежде всего не въ его натурѣ, не въ его головѣ, а всегда только въ его направленіи? Неужели сочиненіе не можетъ въ одно и то же время отличаться и талантомъ, и ложнымъ направленіемъ? Мы не думаемъ, чтобы славянофилы не знали этого; но они съ умысломъ закрываютъ глаза на эту истину, съ умысломъ держатся этой (говоря словами М... З... К...) «клеветы на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенной для поощренія къ совершенствованію», т. е. къ переходу въ славянофильство; но (скажемъ опять словами того же М... З... К...) «никто не въ правѣ заподозрѣвать намѣренія: мы вѣримъ, что оно чисто и благородно, но средство не годится, и путь слишкомъ хитеръ», т. е. слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Но по крайней мѣрѣ «Московский Сборникъ» обнаружилъ похвальную готовность похвалить хорошее въ писателѣ противной стороны, хотя и по-своему объяснилъ это внезапное и неожиданное имъ явленіе хорошаго у писателя, котораго, по его мнѣнію, до тѣхъ поръ писалъ только дурное. Вотъ его собственные слова по этому предмету: «Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: вмѣгъ дается сила! Пока Тургеневъ только-валъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хороши его рассказы! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ (а!), скрывавшійся во все время, пока онъ сидѣлъ увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому

небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ вмѣгъ обнаружился, и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!» Почему же М... З... К... не замѣтилъ этого: вѣдь рассказъ «Хорь и Калинычъ» напечатанъ въ первой же книжкѣ «Современника», въ которой напечатаны и разбираемыя имъ статьи? Ясно, что или онъ боялся это сдѣлать, чтобы его нападки на натуральную школу въ его же собственныхъ глазахъ не обратились въ совершенную ложь, или что два славянофила не могутъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ, не противорѣча другъ другу.

Какъ же послѣ этого требовать отъ другихъ, чтобы они вѣрно судили о такомъ ученіи, въ которомъ еще не успѣли согласиться сами его послѣдователи? Вотъ когда они сами вникнутъ хорошо и основательно въ то, что выдаютъ за начало всякой премудрости, да ясно и опредѣленно изложить свое ученіе, — тогда ихъ будутъ слушать, не станутъ приписывать имъ того, чего они не говорили, и, можетъ быть, не соглашаясь съ ними вполне, охотно отдадутъ справедливость тому, что есть хорошаго и справедливаго въ ихъ образѣ мыслей. Но для этого имъ нужно больше говорить о себѣ, чѣмъ о другихъ, больше доказывать свои положенія, чѣмъ опровергать чужія, потому выражаться насчетъ своихъ противниковъ повѣжливѣе, съ большимъ достоинствомъ, и вообще не ограничиваться одними общими отвлеченными разсужденіями о любви и смиреніи, но проявлять ихъ въ дѣйствіи. Любовь и смиреніе, безспорно, прекрасныя добродѣтели на дѣлѣ, но на словахъ они стоятъ не больше всякой другой болтовни.

Взглядъ на русскую литературу 1847 года.

I.

Время и прогрессъ. — Фельетонисты. — Враги прогресса. — Употребленіе иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. — Годичныя обзорѣнія русской литературы въ альманахахъ 20-хъ годовъ. — Обзорѣнія нашего времени. — Натуральная школа. — Ея происхожденіе. — Гоголь. — Нападки на натуральную школу. — Разсмотрѣніе этихъ нападокъ.

Когда долго не бываетъ тѣхъ замѣчательныхъ событій, которыя рѣзко измѣняютъ въ чемъ-нибудь обычное теченіе

дѣлъ и круто поворачиваютъ его въ другую сторону, всѣ года кажутся похожими одинъ на другой. Новый годъ празднуется какъ условный календарный праздникъ, и людямъ кажется, что вся перемѣна, все новое, принесенное истекшимъ годомъ, состоитъ только въ томъ, что каждый изъ нихъ и еще однимъ годомъ сталъ старѣе —

И хоромъ бабушки твердятъ:
Какъ наши годы-то летать!